

**АРГУМЕНТЫ
И ФАКТЫ**

№ 21 ДЕКАБРЬ 2003

ТВОЙ КУРС

WWW.TVOIKURS.RU

**ДЕНЬГИ:
ЛЮБИТЬ И ИМЕТЬ**

**ПОСТУПИ
ПРАВИЛЬНО**

**С НАМИ В МГИМО -
БЕЗ ДЕНЕГ
И ВНЕ КОНКУРСА**

**УШИ И БУЛКИ
МИХАИЛА
ГРЕБЕНЩИКОВА**

**АНТИКИЛЛЕР 2:
МЕРТВЕЦЫ ВЕРНУЛИСЬ**

**МАДОННА &
ЭЛЛИОТ:**

GIRLS POWER

БЬОРК

СЛИШКОМ ЧТОБЫ Б

Ветер рванул с силой автобусную остановку, как будто силясь вырвать ее из бетона мостовой - раз, другой, третий. Встречные машины сносило, у лобовых стекол кружили разлетевшиеся конфетные обертки из мусорных корзин. А на остановке стояла девочка - очень маленькая, не больше метра ростом, в темно-синих замшевых туфельках, такого же цвета перчаточках и ярко-розовом пальтишке. Темные волосы девочки двумя пучками-"баранками" были собраны на затылке, а на лице застыло выражение крайней сосредоточенности и серьезности. Ветер пошатывал тоненькую фигурку, но малышке, казалось, было все равно. Она ждала утренний автобус. А он, как назло, опаздывал.

Пятилетняя Бьорк каждое воскресенье вставала в шесть утра, чтобы с первым автобусом поехать на другой конец Рейкьявика в гости к папе и его новой жене. В тот час, когда все в доме - мама, бабушка, мамыны хиппующие друзья - уже спали, девочка намазывала толстым слоем масла кусок белого хлеба, поднимаясь на цыпочки, наливала себе в большую кружку чая и, бесшумно позавтракав, выходила из дома. По дороге на остановку и в ожидании часто запаздывающего автобуса она все время думала о родителях и приходила к выводу, что, какими бы они у нее ни были, она их очень любит. Гудмундур и Хилдур развелись через год после рождения дочери: отец, уравновешенный и спокойный, электрик по профессии, скептик по жизни, сразу же женился на другой, а мама, зарабатывающая на жизнь уроками айкидо, сблизилась с коммуной хип-

ным лицом, сдвинув брови и, как всегда, о чем-то крепко задумавшись.

СЛЫШИШЬ, КАК ПОЕТ ВЕТЕР?

На востоке всходит солнце. Совсем немного изменившаяся, все та же маленькая, но чрезвычайно серьезная девчушка Бьорк стоит на остановке. Завтра, 21 ноября, у нее день рождения - ей исполняется 22 года. Бьорк легонько поглаживает круглый живот: "Как ты там, мой маленький, тебе не холодно? Видишь, как ветрено на улице - ветер поет нам с тобой песенки, слышишь, мой милый?" - автобус все никак не идет, а у маленькой женщины уже затекли ноги, и мама на том конце города ждалась ее на ужин, по десятому разу расчесав свои самые длинные волосы. На столе у нее стоит фото дочери - серьезной раскошей дев-

Л Е Г Е Н Д А

пи. У Хилдур, как все говорили, были самые длинные косы во всей Исландии, и Бьорк больше всего на свете любила водить по темным маминым волосам редким гребешком. С неизменно серьез-

чушки с "баранками" на затылке, по которой никак нельзя понять, какого она возраста. Сама Бьорк всегда чувствовала себя лет на 40, если не старше, - даже в то ветреное утро на остановке, в темно-синих туфлях, когда порывы ветра сносили остановку, она ощущала себя много опытнее и взрослее собственных родителей. Это гипертрофированное чувство ответственности, комплекс "лучшей" и неспособность делать что-то не в полную силу всю жизнь не дадут маленькой исландской женщине покоя: в 11 лет Бьорк запишет первый альбом (учительница из музыкальной школы отнесла запись на местное радио, и девочке с ходу предложили сделать полноценный диск, который после разоидется тиражом в 6000 экземпляров), в 14 - станет играть на ударных в

панк-группе "Spit and Snot", подрабатывать в кофейне и на рыбном заводе и в 15 самостоятельно снимет себе квартиру, где станет жить с подругой.

НАЧАТЬ СНАЧАЛА

Тор Элдон, муж Бьорк, игравший с ней сначала в группе "Kukl", после - в "Sugarcubes", часто смотрел на ее курносый профиль и никак не мог понять, что находится внутри, в сердце у этой совсем незнакомой, далекой женщины - так и не разобравшись в этом, через год после рождения сына Синдри он оставит свою маленькую жену. А Бьорк возьмет в охапку улыбчивого малыша, выйдет в тишину бухты Рейкьявика и станет учить сынишку слушать ветер и птиц. С этого

Бьорк возьмет в охапку улыбчивого малыша, выйдет в тишину бухты Рейкьявика и станет учить сынишку слушать ветер и птиц.

Сильная, быть слабой

Она закрывает глаза и представляет себе, что произошло бы, если бы сотрудники Скотленд-Ярда не успели вовремя перехватить эту проклятую посылку: она бы даже не успела вскрикнуть, как бомба разорвалась, обдав всю ее - такую маленькую, хрупкую, и не важно, что очень сильную, - серной кислотой.

момента, почувствовав, что она - и только она одна - теперь ответственна за своего ребенка, раскосая девочка-подросток перестанет бездумно пить крепкие напитки (в Исландии очень любят водку) и на часы погружаться в собственные мысли. А вообще: "Тор, всего хорошего. Знаешь, я уже не жалею, что родила этого ребенка, - тогда мне казалось это безумством, а сегодня - волшебством. Пока".

"Мама, ты же знаешь, что каждая четвертая женщина Исландии растит ребенка в одиночку... К чему я веду? К тому, что я - четвертая женщина. А, вот еще, мы с Синдри уезжаем в Лондон. Завтра. Надолго". Далекая безликая столица не пела ветрами и птицами, заставляла женщин быть сильнее, чем они есть на самом деле, и так невообразимо тянула Бьорк: в ее родном маленьком Рейкьявике, где все знают друг друга, начинать новую жизнь было сложно. А в Лондоне - просто. "Синдри, слышишь, здесь не поют птицы!"

ПРОКЛЯТАЯ ПОЧТА

В широкой постели холодно, и Бьорк, завернувшись по горло в толстое одеяло, никак не может согреться и дрожит, стараясь не плакать. Она зажгла все лампы в гостиничном номере. Она двадцать минут слушала с балкона природу Флориды. Она три раза поговорила с Синдри по телефону, каждый раз судорожно вдыхая на фразе: "Мамочка, но с тобой прав-

да ничего не случилось?" Выхода нет. Она закрывает глаза и представляет себе, что произошло бы, если бы сотрудники Скотленд-Ярда не успели вовремя перехватить эту проклятую посылку: она бы даже не успела вскрикнуть, как бомба разорвалась, обдав всю ее - такую маленькую, хрупкую, и не важно, что очень сильную - серной кислотой. В уме проносятся кадры пленки: лысый долговязый парень неприятно хрипит: "Я люблю тебя, Бьорк, это ты во всем виновата", - на затертой кассете звучит ее голос, и парень медленно, очень медленно поднимает пистолет к виску.

- Я постоянно думаю об этом: как холодное железо прижимается к виску, что он мог тогда чувствовать... Его звали Рикардо Лопес - ужасное имя, правда?

Гипертрофированное чувство ответственности, комплекс "лучшей" и неспособность делать что-то не в полную силу всю жизнь не дадут маленькой исландской женщине покоя.

А на другом конце телефонной линии одетый в пижаму Синдри пожмет плечами:

- Мамочка, но он же не причинил тебе боли, и это главное.

Бьорк положит трубку с мыслью: боль - очень специфическая штука. Ей не хочется, чтобы Синдри это знал.

После премьеры "Танцующей в темноте" Триера Бьорк поклянется никогда не сниматься в кино, это же она пообещает всем своим знакомым, родственникам и, конечно же, Синдри - он никак не сможет поверить, что маму не обидели, и будет подолгу перед сном держать ее за руку. А наутро после просмотра встанет и предложит:

- Мамочка, давай поедem слушать природу. В городе так душно.

МОРЩИНКИ И МОЛОКО

После выматывающих концертов 2003 года Бьорк наконец-то вернулась домой, в Лондон, к дорогим вещам и тишине, в которой она с годами через шум толпы и сигналы автомобилей в пробках научилась слышать музыку природы. Потому что она - во всем. Везде. И всегда. Стынет на столе теплое молоко. В толстых вязаных гольфах, без косметики, Бьорк кажется десятилетним подростком. И только в углубках темно-кофейных раскосых глаз появились

- довольно рано, еще в Рейкьявике, - предательские морщинки. Примета, объединяющая всех сильных женщин - таких, что оказываются выше обстоятельств и препятствий. Звонит телефон. Номер определяет: "Исландия. Рейкьявик. Хилдур". Там, на родине, у мамы, сейчас Синдри - лучший друг Бьорк на протяжении последних семнадцати лет. И ветры там поют, как нигде в другом месте на планете.

В конце длинного теплого телефонного разговора Хилдур спрашивает (в который уже раз!):

- Детка, милая, ты не собираешься к нам?

- Я вернусь домой навсегда, как только пойму, что ничего нового сделать больше не могу, ты же знаешь это, мам.

ДАРЬЯ БУРАВЧИКОВА